

12 АРГ 1961

ПРИВЛЕКАЕТ своей необычностью афиша гастролей Краснодарского драматического театра имени М. Горького в Москве. Гастроли открылись инсценировкой романа кубанского писателя Б. Крамаренко «Плавни». Написанный в тридцатые годы, роман повествует о событиях гражданской войны на Кубани. В нем действуют простые люди с горячими сердцами и упорной волей, пересекаются интересные человеческие судьбы. Перенесенный на сценические подмостки, он звучит свежо и современно, утверждая герою и романтику, как нормы человеческой жизни. Ново для москвичей и такое название, как «Звезда Голливуда» — пьеса американского писателя К. Одетса. Это драма, повествующая о трагической судьбе таланта в обществе, где человек человеку — волк. Заинтересовывает и включение в афишу дермонтовского «Маскарада», пьесы С. Алешина «Каждому свое».

Разнообразна и основная, негастрольная афиша краснодарцев. Боясь утомить читателей перечнем названий, не стану называть все пьесы, сохраняющиеся сегодня в их репертуаре, упомяну лишь некоторые. Это инсценировка Шолоховской «Поднятой целины», шекспировский «Король Лир», горьковские «Дети солнца», инсценировка романа В. Кожешникова «Шит и меч», трагедия М. Карима «В ночь лунного затмения», пьесы «Человек перед выстрелом» Г. Боровика, «Перебежчик» А. и П. Туп, «Олего Дундич» М. Каца и А. Ржевского...

Творческое своеобразие театра не сводится, однако, только к его афише. Художественный уровень сегодняшней жизни театра высок. Театр настойчиво ищет свою дорогу как в области репертуара, так и в области его сценического воплощения.

В самом деле, уже одни упомянутые здесь названия свидетельствуют о многом: о том, что театр сосредоточивает главный свой поиск на осмыслении и осмыслении трудного, героического и победоносного пути советского общества. И одерживает в этом поиске серьезные успехи.

ЕСТЬ, однако, в репертуаре театра и еще одна, чрезвычайно важная для определения его художественного почерка особенность. При всем разнообразии афиши, почти каждое из значащихся на ней произведений открывает театру возможность передачи жизни в определенном ключе, а именно — романтическом. Не этим ли, кстати, определяется и выбор классических произведений — «Маскарад», «Король Лир», «Дети солнца»?.. Крупные характеры, обостренные коллизии, высокие чувства...

Это не значит, что театр непременно предпочитает масло акварели, крупный мазок — тонкому нюансу. И тем более не значит, что он в своих спектаклях стремится к котурнам и внешним эффектам. Но, чуждый выпренности и лживой аффектации, он также чужд и мелкого, приземленного быта, бескрылых героев, копанья в душах людей, замкнувшихся в узеньком мире эгоцентрических интересов. Простота в этом театре не только сурова и мужественна, но и крылата.

Говоря о романтическом настроении спектаклей театра, я вовсе не имею в виду их противоположность реалистическому искусству. Нет. Театр воспринимает романтизм в его недарожимом сплыве с реализмом. Ему дорог романтизм не отвлеченный, не оторванный от действительности, а, напротив, естественно вырастающий из нее, выражающий ее. Человек, его характер, движения его чувства и мысли — вот что находится в центре творческих исканий талантливого коллектива.

ДОСТАТОЧНО вспомнить хотя бы некоторых ведущих актеров Краснодарского театра, их творчество, созданные ими образы, чтобы убедиться в справедливости этого наблюдения.

Великолепным сценическим даным обладает Е. Колчинский: выразительной внешностью, красивым и гибким голосом, легко возбудимым темпераментом, завидным обаянием. Типичный романтический актер! Но этот актер умеет и естественно, органически мыслить на сцене, полностью сливаясь с воплощаемым персонажем, он не только владеет своим темпераментом, но и отлично умеет молчать, существовать на зрителя в минуты молчания и неподвижности.

Этими «звонами молчания» Е. Колчинский густо насыщает роль Чарльза Касла, знаменитого клоуна, в

«Звезде Голливуда». Американская действительность с ее звериными законами хватает Чарльза за горло, толкает его на подлость и преступление. Он сопротивляется, как только может. Но поединок слишком неравен. И нередки минуты, когда мы видим Чарльза — Колчинского как бы отрешенным от собеседников, напряженно думая о своей горькой, тревожной дилемме. Конечно, актер знает и другие краски. Образу Чарльза присуща экспрессия, свойственные страстные, эмоциональные всплески... Но все это не противоречит одно другому, а создает в своем сочетании своеобразный, конкретный человеческий характер.

И совершенно иной характер создан актером в «Плавнях», где он играет роль комбрига Семенова. Перед нами типичный кубанский казак со все-

Вчера в Москве начались гастроли

В ПОИСКАХ СВОЕГО ЛИЦА

Краснодарского драматического театра имени М. Горького

ми его характерными особенностями, фигура колоритная и красочная. Е. Колчинский создает характер волевой, упорный. Natura недюжинная, его герой обладает большим размахом, решительностью. Обаяние этого человека — и в его внешности, и в его доброте и спокойствии. Доброта его выражается во внимании к людям, в том, как он их неторопливо слушает, как разговаривает с ними. Спокойствие рождено уверенностью в людях, в их приверженности тем идеалам, за которые он сам борется. И все это выражается во множестве подробностей поведения Семенова — в том, как он носит папаху, как держит руку на эфесе шашки, вглядывается в своего ординара Тимку, пожимает руку вернувшемуся из плавней старому Остапу Капусте...

Если судить по спектаклю «Каждому свое», то можно было бы характеризовать И. Куприянова, играющего роль Танкиста, преимущественно как актера мысли. Мысль — напряженная и страстная, ее ни на секунду не прекращающаяся интенсивная жизнь — главное в этом образе. Она, мысль, и делает его таким значительным и крупным. Но вот образ Семена Хмеля, ближайшего помощника Семенова, в «Плавнях» — и ероде бы совсем другой актер: пылкого темперамента, ярких, открытых чувств, тяготеющий к экспрессии движений и жестов. И тот, и другой образ разработаны и решены актером в соответствии с авторским и режиссерским замыслами, точно охарактеризованы и с психологической, и с социальной, и с бытовой сторон.

Характерно, что стремление к укрупнению образов, к их подчеркнутой рельефности и объемности, к возведению каждого образа в степень художественного обобщения свойственно не только актерам героического плана, таким, как Е. Колчинский и И. Куприянов, но и актерам, так сказать, сугубо характерным, как, например, С. Михалев и Н. Моршаков. Им также присуще стремление к неповторимости образов, к разнообразию средств и приемов сценической выразительности.

Первый из них — мастер тонкой психологической характеристики. Созданный им образ одного из героев Голливуда — Маркуса Хоффа в пьесе К. Одетса — тому яркое подтверждение. Здесь все продумано и взвешено актером до мельчайших деталей. Для Хоффа — С. Михалева нет ничего святого, и в нем не осталось ничего человеческого. Это хищник. Но хищник умный, ловкий, изворотливый. Актер создает образ не просто врага, а коварного, «ласкового» врага. Образ милейшего, добросердечного по виду, обходительнейшего старика. Если бы не прорывались в него в иные мгновения тропные, жесткие интонации, мы так и не распознали бы эту хитрую лису, до того момента, пока хищник не сбросит с себя личину. Тот же актер играет Профессора в спектакле «Каждому свое». Та же фигура, тот же голос... И всемирной человек. Величественный, скорбный... Обреченный на смерть, он ясно сознает это и потому уже не способен ни радоваться, ни страдать... Лишь на короткие се-

кунды просыпается в нем интерес к жизни, просвечивает сквозь оболочку обреченности и равнодушия былой ученый, когда смотрит он на птицу, пойманную гестаповцами, пытается дать ей пищу...

Н. Моршаков обладает качеством удивительной жизненной достоверности. Глядя на него в роли Роберто, слуги в доме кинорежиссера Гая Саммера, героя спектакля «Человек под выстрелом», веришь в его глубокую старость, в то, что человек этот огромным усилием воли заставляет себя двигаться, работать, заботиться о других. И потом, когда узнаешь, что Роберто ушел в горы, к партизанам, проникаешься к нему глубоким уважением и восхищением. Но также веришь этому актеру и тогда, когда в «Плавнях» играет он роль полковника Дрофа, начальника штаба белой

повстанческой армии. Это казак, кадровый офицер, человек определенного сословия. Образ сравнительно некрупный, но он запоминается. Актер подробно разрабатывает его, оттеняя в характере Дрофа черты наиболее существенные. И такую же резкую, четкую социальную, классовую характеристику дает Н. Моршаков и фашисту Пистеру в спектакле «Каждому свое».

В ЭТОМ связи — еще одно наблюдение: в Краснодарском театре актеры — не исполнители ролей, а их создатели. При этом творческая активность в работе над ролью, интенсивность и самостоятельность художнических поисков характерны как для мужской части труппы, так и для женской.

Тема оскорбленной женской любви развивается Е. Афанасьевой, актрисой большого обаяния, и в Марион Касл из «Звезды Голливуда», и в баронессе Штраль из «Маскарада». Но по-разному звучит эта тема, с какими разными женщинами знакомит нас актриса! Марион полна доброты и готовности простить мужу его ошибку. Она, вероятно, моложе Касла, да так она и выглядит в спектакле. Но Е. Афанасьева наделяет ее такой мудростью сердца, такой тонкостью и чуткостью ума, что Марион кажется матерью Касла, готовой в минуту беды заслонить его собой. Умая, обольстительная Штраль в трактовке актрисы — фигура поистине трагическая. Е. Афанасьева делает буквально зримым тот нравственный путь, который проходит Штраль на протяжении спектакля, — бездна открывается перед ней в конце пути, и она внутренне содрогается перед этой бездной. Человек глубокий, полный душевных сил, потребности любить и быть любимой, Штраль — Е. Афанасьева с азербайджанской остротой и болью сознает пустоту, лживость и лицемерность окружающего мира.

Все те художнические качества, которые свойственны актерам среднего и старшего поколения, театр воспитывает и развивает и у молодежи, занимающей в труппе заметное место, вносящей в спектакли ноту свежести и творческого оздоровления.

Нельзя же вспомнить обаятельную пару из «Плавней» — молодого казачонка Тимку, запутавшегося между любовью к своему командарму, восторгом перед ним и чувством долга по отношению к отцу и брату, находящимся в повстанческой армии, и его подругу Юлию Наталку, сердцем приравненную к той борьбе, которую ведет Семенова. Тимку играет А. Данильченко, Наталку — А. Кузнецова. Какие же богатства души, глубины человеческого сердца обнаруживают молодые актеры в своих семнадцатилетних героях!

Но если говорить о творческих поисках и свершениях молодых актеров, то, пожалуй, наиболее характерный пример — это работы Э. Пичеповой, несколько лет назад окончившей студию в Воронеже и выросшей как актриса в Краснодарском театре. С кем бы она ни знакомила нас, это крупный, оригинальный человеческий характер. В ее линии из «Маскарада» есть не только трепетность и чи-

стота, но и цельность души, ясность ума, большое человеческое достоинство. В спектакле «Человек перед выстрелом» актриса играет две роли — Сельи и Седрик, матери и дочери. Одна из них — олицетворение жизнерадостности и надежд. Другая, мать, является Гаю Саммеру в воспоминаниях из того далекого прошлого, когда он сражался в рядах защитников республиканской Испании. Это образ и трагический, и героический одновременно. Но, разные женщины, они высечены из одной породы, и каждая — с солидным в крови. И, наконец, Дикси Эванс из «Звезды Голливуда» — несостоявшаяся актриса, вульгарная, озлобленная и несчастная одновременно. Стручок нервов, стусок отчаяния... И при этом женщина эта еще способна улыбаться, способна надеяться и верить...

Я назвал здесь некоторых ведущих актеров театра. Примеры легко умножить. Есть все основания говорить о труппе Краснодарского театра как о крепком, слитном актерском ансамбле. Ансамбле, в котором индивидуальности яркие, своеобразны и талантливы. Не могу не назвать хотя бы еще несколько фамилий — Д. Швеца и А. Боздаренко, С. Шмакова и Н. Струкова, М. Серебро и В. Мартенс, Л. Воробьеву, Л. Солнцеву, Л. Кошавкину... За каждым из них, как, впрочем, и за многими другими актерами театра, стоят интересные, самобытные сценические образы... Не случайно же в Краснодарском театре спектакли живут не один-два сезона, а подолгу!

В СЕ ВМЕСТЕ — разнообразно, умно и точно составленная афиша, любовный, тщательный подбор людей талантливых, интересных, сплоченные их в единый творческий коллектив, постоянная забота о воспитании и росте молодых сил, долголетие спектаклей — есть несомненная заслуга нынешнего руководства театра, в первую очередь его главного режиссера М. Куликовского.

Когда семь лет назад М. Куликовский возглавил театр, дела в нем обстояли далеко не так, как сегодня. В спектаклях давал себя знать актерский разрыв. Глубина чувств порой полменялась сентиментальностью. Романтический взлет страстей оборачивался подчас холодностью. Теперь лицо коллектива изменилось, он обрел единый творческий почерк. Не только опытный, тонкий педагог, но и талантливый, изобретательный постановщик, М. Куликовский, однако не замыкает собой в спектакле актера. Актер, его мысль и чувство, его темперамент и действие — вот что в любом из спектаклей краснодарцев находится на первом плане. К этому следует добавить, что М. Куликовский и сам не только режиссер, но и талантливый актер. И хотя, обремененный множеством дел и забот по руководству театром, играет он редко, вровень его творчества, его опыт позволяют ему требовать к любому актеру полной меры. Гуманистическая трактовка дермонтовского Арбекина, которого М. Куликовский играет уже не первый год, дает пример глубоко философского осмысления одного из сложнейших образов мировой литературы.

Уже само приглашение Краснодарского театра на кремлевскую сцену является высокой оценкой его работы. Но эта оценка, все то, что уже достигнуто театром, определяет и высокую меру требовательности к его творчеству, позволяет открыто сказать также и о тех недостатках, которые имеются в его работе, привлечь внимание к нерешенным задачам.

Досадным диссонансом является, на мой взгляд, включение в гастрольную афишу комедии А. Кузнецова и Г. Штайна «Женатый жених». Спорит театр, особенно актриса И. Макаревич, играющая роль команданта общегития Стуканиной, стремится к тому, чтобы сделать образы пьесы более значительными, заострить и углубить ее гражданскую направленность. Но уж слишком надуман сюжет пьесы, неопределены характеры ее главных положительных героев, чтобы эти усилия театра могли увенчаться действительным успехом.

ТВОРЧЕСКИЕ достижения Краснодарского театра велики. Но чем больше успехи, тем должна быть выше выскателность, неупривимость к недостаткам. Давнее уже знакомство с театром убеждает меня, что коллектив, ищущий, беспокойный, творческий, и сам понимает это не хуже кого-либо другого.

Юр. ЗУБКОВ.